

Соломоник А.Б. (Израиль)

Семиотика в свете разных наук

(Semiotics in the light of different scientific approaches)

Я исхожу из того, что человек может делать выводы из своих впечатлений и жизненной практики исключительно с помощью знаков. Нам неизвестно (или известно очень мало), что происходит у нас в мозгу до того, как мы приходим к своим умозаключениям и формулируем их устно либо письменно, но бесспорным оказывается факт, что любая такая формулировка осуществляется через знаки. Слова в устной речи и буквы на письме являются знаками, придуманными людьми. Используются и другие материально выраженные объекты, кроме слов и букв, которые присутствуют в наших рассуждениях, но и они принадлежат к категории знаков. Стало быть, семиотика, наука, изучающая знаки и знаковые системы, лежит в основе всех прочих научных дисциплин. И, действительно, любая научная дисциплина в ходе своего развития должна была создать и создавала свои специфические знаковые системы, в лоне которых она живет и здравствует. Я не хочу этим сказать, что семиотика является главной отраслью научного познания, но для меня очевидно, что она связана со всеми прочими науками, влияет на их содержание и форму, а также, в свою очередь, зависит от них.

Именно зависимость семиотики от ряда ведущих наук я собираюсь проанализировать в настоящей работе. При этом следует отделить *общую семиотику* от *семиотик частных*, являющихся частью и принадлежностью каждой конкретной науки. Нет необходимости рассматривать зависимость общей семиотики от *всех существующих наук*. Если любая частная семиотика *связана в основном* со своей материнской областью науки, то общая семиотика основывается исключительно на данных философии, логики, психологии индивидуального и общественного сознания и некоторых других отраслей знания, в воздействии которых на общую семиотику и ее обратного воздействия на них нам предстоит разобраться в этой работе.

Философское обоснование общей семиотики

Любая наука имеет философское обоснование, в том числе и семиотика. Самое глубокое исследование философских начал знаковости сделал *Эрнст Кассерер* (конец XIX – начало XX века), назвавший человека *символическим существом*. Он имел в виду, что человек пользуется знаками и не может без этого существовать. Этим же человек отличается от любых иных живых существ, которые тоже иногда пользуются знаками, но совершенно в ином

качестве. Используя знаки, человек изменяет условия своей жизни, продвигаясь по сравнению с животными на качественно иную стадию умственного развития, создает культуру и науку. Без знаков не было бы ни того, ни другого. «Разнообразные сферы культуры, называемые Кассирером “символическими формами” (язык, миф, религия, искусство, наука), рассматриваются им как самостоятельные образования, не сводимые друг к другу. Философия культуры Кассирера определяет и понимание им человека как “животного, создающего символы”»¹.

Итак, человек создает символы и тем самым строит свое окружение, мировоззрение и сферу деятельности. При этом возникают знаки самого разнообразного содержания и характера. В конечном счете это выливается в построении особого вида реальности, которую я назвал *семиотической*.

Учение о двух видах реальности

По моему глубокому убеждению, семиотика начинается там и тогда, где и когда мы выделяем два типа реальности: *реальность онтологическую* и *реальность семиотическую*. *Реальность онтологическая* – это реальность феноменологического мира вокруг нас и в нас самих, включенных в этот мир (наше тело, наш мозг и его деятельность). *Реальность семиотическая* – наши выводы по поводу феноменологического мира, оформленные в виде знаков и знаковых систем. Оба типа реальности существуют объективно, вне нашего сознания. Они, конечно, проявляются в различных формах и в нашем сознании, когда мы о них раздумываем; но выступают также и самостоятельно, даже когда мы о них и не подозреваем. Именно поэтому я и называю их *реальностями*.

Одна из них – реальность, данная нам в ощущениях и первоначально созданная без нашего участия. Ее я называю *онтологической*. Рождаясь на свет, мы вынуждены приспособливаться к этому типу реальности, познаем его, а в процессе познания используем и зачастую изменяем. Пока все мои рассуждения не выходят за рамки принятого в философии противопоставления: «материальное – идеальное». Но в моих рассуждениях это противопоставление обретает дополнительные параметры, ибо в ходе познания онтологической действительности мы вынуждены создавать *новый тип реальности* – реальность семиотическую. То, как мы мыслим, остается пока за пределами точного знания, но результаты наших размышлений отражаются *исключительно в знаках*, что является неоспоримым эмпирическим фактом.

В то время как объекты и явления окружающей действительности предстают перед нами в виде синкретической (слитной, неразделенной) картины, в ходе познания мы их анализируем, расчлняем и, в конечном итоге, представляем в виде пространственно организованной и внутренне логически обоснованной

¹ В: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (август 2011).

совокупности знаков. Такое представление является для нас единственно возможным, поскольку оно позволяет произвольно остановиться в любой точке познавательного процесса, оценить уже сделанное и представить результаты в обозримой для обсуждения форме. Мы можем возвращаться к ним снова и снова, изменяя и самый ход рассуждений и формулируемые промежуточные или окончательные выводы. Представление в знаковом виде результатов изучения онтологической реальности позволяет также оформить наши результаты в виде закономерностей и использовать последние для обработки всех аналогичных случаев, которые могут иметь место в будущем.

Таким образом, в ходе познания мы переходим от “хаотической” и нерасчлененной онтологической картины к ее внешне и внутренне организованному и дискретно представленному семиотическому обозначению, а в более сложных случаях – и к семиотическим моделям.

Сначала мы создаем отдельные знаки, подменяющие в нашем сознании онтологические предметы и явления, затем создаем из них знаковые системы, а в результате суммарных усилий всего человечества на протяжении всей его истории создается и оформляется знаковая материя особого, отличного от онтологической реальности типа. *Эту реальность я называю семиотической, поскольку она состоит из знаков и знаковых систем, изучаемых семиотикой.* Особенно важно подчеркнуть, что этот тип реальности не менее, так сказать, *реален*, чем реальность онтологическая. Он объективируется в виде закрепленных общественной традицией знаков и знаковых систем, изучается людьми и составляет основу того, что называется культурой. Семиотическая реальность не только реально существует вне нашего сознания, но еще и развивается по своим собственным законам, отличным от законов развития онтологических систем.

Эти реальности существенно отличаются одна от другой: одно и то же явление, даже рассмотренное под одним и тем же углом зрения, они представляют по-разному. Я продемонстрирую это на самом простом примере. У меня есть малолетний внук, которого я начал обучать географии, используя для этого семиотические модели представления объективной реальности – карты. Начал я с карт Израиля, страны, где мы живем, и где мой внук успел попутешествовать и многое увидеть. Я называл ему какое-то место и предлагал ему найти его на карте. В большинстве случаев внук мне говорил: «Дедушка, я знаю, где находится это место, я там был», но найти его на карте он не мог. Причина этому ясна. Все что он видел в реальной жизни, не только не помогало ему решить поставленную мной задачу, но активно мешало, ибо две картины в его мозгу абсолютно не совпадали, они мешали одна другой. В семиотической реальности мы не только пользуемся иными образами действительности, но оперируем разными понятиями и их протяженностями. Поэтому обе ситуации существенно отличаются, и их приходится анализировать, пользуясь различными алгоритмами действий.

За время развития человеческой цивилизации знаков и знаковых систем, которые используются для адаптации людей к окружающему миру, собралось огромное количество. Прежде всего, это – результаты исследований множества научных дисциплин, которые были созданы человеком на всем протяжении истории. Кроме того, существуют результаты и донаучных стадий развития человечества – мифологической и религиозной, их тоже нельзя сбрасывать со счетов. Эта семиотическая реальность передается в распоряжение все новых поколений людей. Она хранится в устных преданиях, в обычаях, наконец, в виде книг, картин, фильмов, церемониальных отправлений и в иных формах материальной культуры. В настоящее время мы гораздо чаще черпаем знаковые результаты человеческих взаимоотношений с онтологической реальностью из этих и других подобных источников, нежели из непосредственных соприкосновений с действительностью. Более того, развитые науки, давно приблизившиеся к тем границам исследования, которые не поддаются непосредственному восприятию, вынуждены прибегать все чаще к открытиям «на кончике пера», то есть к операциям с созданными ранее знаковыми моделями онтологической действительности.

Знаковая реальность никак не менее *реальна*, чем онтологическая, – она объективно существует вне нас. Нам приходится делать усилия, чтобы овладеть ею и зафиксировать в памяти. После этого мы можем использовать имеющиеся знания в дальнейших взаимодействиях с онтологической реальностью. Таким образом, возникает *треугольник взаимодействий* между онтологической реальностью, нашим сознанием и реальностью знаковой. Изменения в любой части этого треугольника автоматически ведут к изменениям в двух других его частях. *Создание знаковой реальности, ее сохранение, использование данных для нужд нашего развития, социализации и дальнейшего приспособления к окружающей среде должны, по моему глубокому убеждению, стать предметом семиотики, которая по самому названию (учение о знаках), по истории ее возникновения, и по достигнутым результатам, призвана именно к этому.*

Следует особо подчеркнуть (ибо в этом положении кроется ключ к моему пониманию места семиотики среди всех других наук), что семиотическая реальность (знаки, их системы, а также вся совокупность семиотических знаний) вовсе не полностью определяет процесс познания, хотя и является его обязательным компонентом. Для познания онтологической реальности люди научились использовать инструментарий многочисленных наук. Они используют методы специфических наук для *наблюдения* над феноменами действительности, для *экспериментирования* над ними, наконец, они *формулируют выводы, применяя понятийный аппарат различных наук*, не выходя при этом за пределы избранной научной дисциплины.

В задачи общей семиотики, с моей точки зрения, входит обобщение полученных другими науками знаковых результатов, их анализ семиотическими средствами и специфическое представление

полученных выводов для использования в любой области знания. Семиотика должна изучать продольный срез результатов познавательной и других видов деятельности, зафиксированных в виде знаков, то есть всю семиотическую реальность. Иначе говоря, семиотика представляется мне наукой вторичной, но не в том смысле, что она менее значима, а в том, что для своих разработок она использует результаты, полученные в других науках (и не только науках) в собственной семиотической интерпретации.

Указанное различие между двумя видами реальностей является для нас кардинальным. Нам следует прочно усвоить, что семиотическая реальность вопреки тому, что она возникла в результате изучения объективной реальности, имеет свои собственные законы развития.

Сочетание непрерывного и дискретного в двух видах реальности

По-моему, основной дисбаланс между онтологической и семиотической реальностями возникает из-за того, что в них иначе сочетается непрерывное с составляющими его дискретными частями. Сам принцип *сочетаемости этих двух начал* я отношу к основам существования любой материи, но отделение одного от другого в двух указанных ипостасях реальностей представляется мне зависимым от их противоположного направления. В объективной реальности мы чаще всего встречаемся с уже существующим цельным феноменом, который нам предстоит проанализировать, выявить его характеристики и отдельные дискретно расположенные части. Мы можем ошибиться в своем анализе, но в принципе такие дискретные составляющие изучаемого явления или события выделяются довольно легко. В семиотической же реальности мы оперируем со знаками, которые всегда дискретны, и идем прямо противоположным путем – мы из дискретных знаков составляем нечто цельное.

Здесь синтез подменяет анализ, причем, мы иногда синтезируем наугад и довольно часто не достигаем нужного результата. Манипуляции со знаками, как и любые другие мыслительные операции, почти ничем не ограничены – наша мысль свободна в своих проявлениях, – и мы вынуждены проверять свои выводы в онтологической практике. Такая проверка зачастую невозможна, а также может быть отложена по времени на довольно долгий срок. В этих случаях наши выводы, полученные в ходе знаковых манипуляций, долгий период остаются как бы подвешенными в воздухе, что болезненно сказывается на еще неподтвержденных результатах.

Кроме сказанного. следует отметить и то обстоятельство, что наше мышление склонно забегать вперед и соблазняться конечным привлекательным итогом. Тогда мы забываем о промежуточных стадиях процесса и сразу обращаемся к его концу, представляющемуся весьма притягательным. Стоит вспомнить о событиях прошлого века, когда миллионы

людей немедленно и безотлагательно бросились строить светлое коммунистическое завтра, не заботясь о средствах и возможностях построения такового. Понадобилось почти целое столетие, чтобы люди поняли тщету своих неоправданных ожиданий.

Еще о несовпадении непрерывного и дискретного в двух типах реальности

В двух реальностях, хотя бы и одного содержания, не совпадает не только изучаемая материя (например, какая-то территория и ее картографическое представление), но и способы связей элементов, лишь гносеологически зависимые друг от друга и выведенные по правилам семиотики, которые не напрямую вытекают из их реального содержания (о последнем мы зачастую лишь догадываемся). Продолжая мой пример с географией, мы можем сказать, что представление круглого земного шара на плоской поверхности карт не может быть точным 1:1. Соответствия одного с другим мы добиваемся с помощью математических моделей и нашего *психологического приспособления к ним*. Даже и в этих случаях мы получаем лишь приблизительную картину, которая, однако, оказывается удовлетворительной для нас с точки зрения восприятия нашими органами чувств.

Дело в том, что они (наши органы чувств) активно приспособляются к приблизительной картине объективной действительности, делая ее *как бы* “законченной и единой”. Так доказано, что глаза ребенка поначалу показывают перевернутую картину окружающего мира, но очень скоро они приспособляются к тому, чтобы увидеть “настоящую” картину и наше “реальное” в ней положение. Так же нами воспринимается “непрерывное” движение объектов на экране, если оно воспроизводится со скоростью 24 дискретно расположенных на ленте кадров (смотрите об этом еще в разделе о психологии).

Несоответствие объектов рассмотрения и направление их анализа в разного типа реальностях приводит в ряде случаев к невозможности их совмещения в двух параллельных плоскостях – объективного мира и его семиотического отражения. Мы различными способами пытаемся нивелировать эту диспропорцию, но не всегда удачно. Впрочем, после многочисленных усилий мы обычно находим выход из положения. Так в начале XX столетия физики столкнулись с тем, что нельзя было напрямую отразить в математических формулах ньютоновской механики движение субатомных частиц. Тогда придумали квантовую механику и принцип дополнительности, которые успешно разрешили проблему.

Несовместимость двух типов реальности и “философские парадоксы”

Наш подход по вопросу о неполной совместимости онтологической и отражающей ее семиотической реальности позволяет разрешить загадки философских парадоксов, которые мучили человечество с незапамятных

времен и которые с наибольшей силой были выражены в апориях Зенона. Я напомним хорошо известную апорию об Ахиллесе и черепахе. Они соревнуются в беге. В начале Ахиллес дает черепахе фору, затем догоняет ее. По истечении какого-то времени он покрывает половину расстояния между ними, но и черепаха проходит некоторый участок пути. Затем Ахиллес еще раз оставляет за собой половину дистанции, а черепаха снова удаляется от него на энный промежуток; и так может длиться до бесконечности...

Но только в математических исчислениях, в которых величины могут быть сколь угодно большими и сколь угодно малыми. В жизни мы наблюдаем противоположное: Ахиллесы непременно догоняют и перегоняют черепах. Почему “две такие разницы”? Потому что математические системы исчислений работают по своим алгоритмам, а реальные события – по своим. И их постоянно приходится подгонять друг к другу. Однако спешу успокоить читателей – всегда обнаруживаются алгоритмы, которые уравнивают максимальное соответствие двух подходов – апория Зенона легко решается с помощью простых арифметических или алгебраических методов, которым школьники обучаются в начальных классах. Надо только подобрать нужный путь решения.

А вот другой философский парадокс, о котором пишет *Вилли Креймер*: «Разделение онтологической и семиотической реальностей позволяет А. Соломонику выходить из тупиков, в которые попадает мышление, не отличающее правила освоения знаков в онтологии от правил освоения знаков в семиотике. Давние и новые парадоксы *Зенона*, *Рассела*, *Бергсона*, кажущиеся неприступными с точки зрения логического позитивизма, лишаются смысла, если анализировать их методом разделения реальностей.

Рассмотрим для примера парадокс *Б. Рассела*, который он сформулировал в статье “Почему я не христианин” в виде вопроса: “Может ли Бог создать камень, который не сможет поднять?”. Здесь использованы понятия из онтологической реальности: *мочь*, *создать*, *камень*, *поднять* и понятие *Бога*, которому теологически приписывается свойство всемогущества. Оно отсутствует в онтологии, что позволяет отнести его только к семиотической реальности. Соединение понятий из двух реальностей в вопросе делает ответ невозможным. Из невозможности ответа логически следует недействительность вопроса»².

Создание научной парадигмы в стиле Т. Куна

В 1962 году вышла книга *Томаса Куна* “Структура научных революций”, впоследствии переведенная на русский язык.³ Центральным концептом его

² Цитируется по http://peoples-peace.blogspot.com/2010/07/blog-post_13.html (сентябрь 2010).

теории, вокруг которого вращается все остальное, является концепт *научной парадигмы*. Под такого рода парадигмой понимается целостный взгляд на мир и его устройство, дающий выход тем или иным конкретным выводам в какой-либо научной области. Именно приверженность одной и той же парадигме позволяет группе ученых говорить одним и тем же языком, одинаково понимать текущие и более отдаленные проблемы своей науки, налаживать совместные работы, готовить кадры будущих исследователей.

Кун настойчиво подчеркивает, что ни одна отрасль знания не может существовать без общепринятой научной парадигмы. Любая отрасль знаний, по его мнению, начиналась с допарадигматического периода, но всегда завершалась в конечном счете принятием единой точки зрения на лежащую в основе этой науки господствующую теорию. Иначе те или иные взгляды или гипотезы просто не предоставляли бы ученым базу для совместного их изучения, базу, которую *Кун* называет *нормальной наукой*. Саму науку он называет *нормальной* только тогда, когда она ведется в русле определенной парадигмы.

На некоторых переломных этапах в науке возникает ситуация, когда собранные факты больше не укладываются в схему ранее принятой парадигмы. Тогда начинается *научная революция* по ломке старой и утверждению новой теории. Книга *Куна* посвящается деталям таких научных катаклизмов. Общеизвестным примером подобной революции является пересмотр взглядов на устройство Солнечной системы, принятых до появления теории *Н. Коперника*, и утверждение основ нового подхода. Другой пример – смена *ньютоновского* видения мира на утверждения, принятые после появления теории относительности *Эйнштейна*. *Кун* пишет, что когда новые концептуальные схемы становятся несовместимыми с прежними, в свете новых теорий люди видят мир совсем иначе. Что и позволяет им ставить задачи на иной, чем прежде, основе, и более глубоко освещать старые, казалось бы, уже решенные вопросы.

Самый процесс ломки старых взглядов является *революционным*, а эпоху, в течение которой эта ломка происходит, *Кун* обозначает как *кризисную* для данной науки. Научная революция – длительный и болезненный процесс, но он же позволяет выводить ту или иную отрасль науки на новый более высокий виток. Такой взгляд на развитие науки противопоставляется прежним представлениям о том, что наука движется по непрерывной восходящей линии путем простого накопления все большего количества фактов и теорий, их объясняющих.

Появление книги *Т. Куна* вызвало многочисленные дискуссии. Многие ее положения были справедливо оспорены, по другим выдвигались альтернативные решения. Особенное недоумение вызывал тот факт, что центральный концепт его теории, вокруг которого строились все выводы – *научная парадигма*, – не получил в книге достаточно детального обоснования. Было подсчитано, что в своей книге *Кун* определяет парадигму с различных позиций двадцать два раза. И хотя интуитивно каждому читателю было ясно, что

имеется в виду, четкое определение научной парадигмы в книге действительно отсутствовало.

После долгих размышлений по существу дела я пришел к выводу о том, что в состав парадигмы любой науки должны входить восемь разделов, схематически показанных мною в виде круга. Эти восемь частей парадигмы дополняют друг друга и развиваются параллельно, хотя первая – философская часть – является начальной и отправной для всех остальных. Более или менее подробный анализ содержания схемы будет дан ниже.

Я думаю, что для обоснования науки, как особой области знания, разрабатываемой специфическими методами, следует, прежде всего, выбрать предмет изучения и сформулировать философский подход к нему. Затем там, где это возможно (а возможно это далеко не всегда, особенно на начальных стадиях развития данной науки), определяются аксиоматические исходные положения для данной науки, что позволяет наметить ее перспективные направления. Затем можно перейти к классификациям основных ее понятий. При этом они обрастают, так сказать, 'мясом', многочисленными характеристиками и отличительными чертами, позволяющими рассматривать их отдельно и/или в разных сочетаниях. Данный процесс естественным

образом завершается таксономиями и классификациями объектов рассмотрения.

На этом же этапе определяются методы, специфические для изучения этих объектов, включая сюда создание инструментов изучения и правила пользования ими (hard- и software). В процессе такого рассмотрения создаются термины, необходимые для обсуждения проблем науки, и составляется ее приблизительный (он все время пополняется) тезаурус терминов. Наконец, в создаваемом метаязыке науки фиксируются алгоритмы действия с ее концептами, понятиями и символами; эти правила представляют собой инструктаж для практической деятельности ученых внутри данной области знания и для тех, кто готовится вступить на эту стезю. Кроме всего прочего, создаются возможные методы проверки правильности полученных результатов – разные для различных наук.

Следует особо подчеркнуть, что парадигма науки развивается не последовательно – часть за частью. Все указанные выше слагаемые научной парадигмы развиваются параллельно, взаимодействуя друг с другом. В качестве начального звена, дающего толчок к возникновению некоей области научного знания, выступают обычно философские постулаты общего плана, но и они не остаются неизменными. Философские рассуждения постоянно уточняются по мере взросления науки и становятся более конкретными. Они также расщепляются на части, когда предшествуют не науке в целом, но ее отдельным составляющим. Скажем, если физика распределяется по отраслям (механика, оптика, свет и др.), то каждой из них достается своя доля философских обоснований.

И еще одно обстоятельство – на схеме можно показать только сиюминутное состояние научной парадигмы, но каждая ее часть постоянно находится в движении и развитии. Она постоянно изменяется, что ведет к изменению всех остальных слагаемых схемы. Так что схема никогда не пребывает в неподвижном виде и непрерывно видоизменяется вширь и вглубь, в также качественно. Вслед за каждым изменением модифицируются, оформляются и уравниваются между собой все остальные части научной парадигмы⁴.

Таковы некоторые философские проблемы, влияние которых на семиотику я хотел показать. Думается, можно было бы выделить еще много других проблем философии, касающихся семиотики, но я попытаюсь это сделать в другом месте.

Логика в знаковых системах

Мое понимание логики

⁴ У меня есть работа под названием «Семиотика и теория познания», где приводится более полный анализ научной парадигмы. Она готовится к появлению в печатном либо электронном варианте.

Логика в моей интерпретации – это наука о том, как разные люди организуют свое поведение в различных конкретных обстоятельствах. Целью подобной организации является нахождение таких алгоритмов действий, которые позволили бы разным категориям людей достичь поставленной цели наиболее быстрым и эффективным способом. Такой подход позволяет нам применить логику к любым человеческим начинаниям и вычленив четкую последовательность шагов, которые позволяют им построить цельную и последовательную цепочку логически оправданных поступков в любых конкретных обстоятельствах. При таком подходе логика выступает не только как система рассуждений, но и как система организации любой практической деятельности с помощью рассуждений. Логически обоснованная последовательность рассуждений рассматривается лишь как один из компонентов какой-то конкретной деятельности и тесно привязывает наши умственные усилия к тому, как они преобразуются в практической реализации вне нас и вне нашего мозга. Эта цепочка представляется мне в очень грубом и приблизительном виде таковой:

1. Для любого предприятия, каким бы простым оно ни казалось, требуется предварительное обдумывание и создание логически обоснованного плана будущих действий. Предпринимать какие-либо практические шаги без их предварительного оформления в мыслях, сопряжено с риском; и такой подход большей частью заканчивается неудачей, что хорошо выражено в русской пословице “Не зная броду, не лезь в воду”. На стадии обдумывания и планирования мы опираемся на известные нам знаки и на их прогностическую силу, позволяющую нам заглядывать вперед (см. ниже).

2. Логика присуща не только сложным системным действиям, складывающимся в серии последовательных шагов и даже в привычное поведение, но и одиночным поступкам, которые тоже подлежат предварительному обдумыванию. Аналогично, не только создание знаковых систем подлежит логическому обоснованию, но также и построение отдельных знаков.

3. В результате обдумывания все предстоящие действия разбиваются на этапы, которые последовательно сменяют друг друга. Строгая последовательность этапов на этой стадии играет решающую роль. Для каждого этапа выбираются свои способы действий и орудия, которые для этого потребуются. В число орудий входят людские ресурсы, а также и те человеческие возможности, навыки и умения, которые необходимы для выполнения предлагаемых шагов. Здесь уже довлеет конкретный материал, с которым предстоит работать, а, следовательно, и специфические методы, которых следует придерживаться.

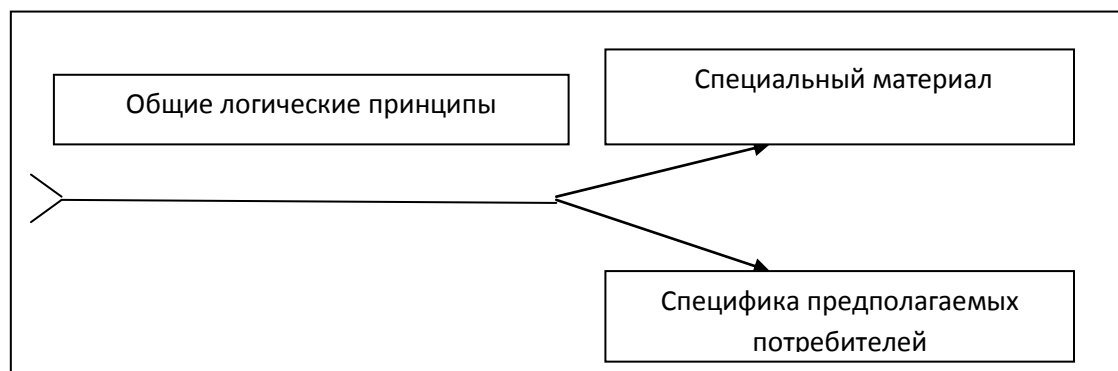
4. Поэтому для создания логического плана действий на этой стадии требуются специальные знания и специфический предварительный опыт. Также и при создании знаковых систем для отдельных континентов потребителей требуются специалисты особого профиля: знаковые системы для биологов следует создавать биологам, для математиков – математикам и т.д. Но при этом все они должны придерживаться общих логических и семиотических принципов. Мои последующие рекомендации будут касаться именно таких общих принципов, а специальные проблемы для большинства практических и исследовательских ситуаций мне, попросту, не по зубам. Однако логические

принципы для построения знаковых систем в их общесемиотической оболочке я рискну предложить ниже в качестве примера реализации настоящих теоретических выкладок.

5. Я особо подчеркиваю, что в каждой создаваемой системе следует учитывать ту специфическую аудиторию, которая будет ею пользоваться. В зависимости от этого будут изменяться методы анализа и способы презентации одного и того же обрабатываемого материала; и он в результате примет неповторимый в каждом конкретном случае вид. Тот же материал и способы работы с ним будут подаваться иначе для специалистов в данной области знания, для “чайников”, для взрослой публики, для молодежной либо детской аудитории и пр.

6. Среди всех видов логики, которые будут применены при построении логических схем действий, ведущее место всегда займет так называемая *формальная логика*, основы которой заложил еще Аристотель. Она в огромном большинстве случаев гарантирует нам правильное мышление при выполнении всех прочих умственных операций и является их началом и фундаментом. Но формальная логика направляется и получает свое содержание из того, о чем мы рассуждаем. Поэтому я ввожу в мою систему *логику соответствия* (см. ниже) и ставлю ее на первое место.

7. В связи с изложенным любой логически обоснованный план будущих действий принимает следующий вид:

При обсуждении логического планирования вначале формулируются его общие положения: цели, имеющиеся средства для их осуществления и стратегию воплощения данного плана в жизнь – в схеме это выражено общей начальной линией. Практические шаги последующих действий реализуются верхней стрелкой с учетом всех специфических обстоятельств. На эти фазы накладываются особенности предполагаемых пользователей продуктом, что показано на схеме нижней стрелкой.

Для практической реализации всех трех компонентов могут понадобиться специалисты разного профиля. Ниже, в качестве иллюстрации к сказанному дан пример логических постулатов, которые могут быть положены в основу создания и использования любой системы знаков.

Логика создания и пользования знаковыми системами

Вначале замечу, что в любой знаковой системе я различаю не одну логику, а целых четыре:

Во-первых, я выделяю *логику соответствия* системы с той частью реальности, которую семиотическая система пытается отразить и исследовать.

Во-вторых, все наши действия, предпринимаемые с системой, повинуются *формальной логике* человеческого мышления, обеспечивающей нам хотя бы элементарный контроль над обоснованностью выводов на каждом этапе принимаемых решений.

В-третьих, действия эти зависят от особенностей используемой знаковой системы. Этот тип логики я называю *логикой системы*. Орудия производства оказывают решающее воздействие на ход операций и на их результат. Сравним это с ловлей рыбы: наша цель поймать как можно больше рыбы определенного сорта. Соответственно, мы используем необходимые для этого орудия. Но это моментально отсекает иные варианты лова; и нам приходится приспособливаться к тем орудиям, которые мы используем. Аналогичная картина вырисовывается при пользовании той или иной знаковой системой, которая выступает как орудие наших действий.

Наконец, четвертым видом логики служит *логика приложения системы*. В зависимости от нее мы по-разному интерпретируем свои выводы и результаты, вернее, по-разному их демонстрируем.

Наличие четырех видов логики при работе со знаковой системой является кардинальным отступлением от обычного и обобщенного вывода, говорящего “это нелогично”. Приходится рассматривать вопрос о том, “нелогично с какой стороны, какой вид логики при этом нарушен”. Неудачи системного анализа могут объясняться тем, что неправильно были выбраны внесистемные ориентиры, что система обрабатывала не те объекты либо делала акценты на неверных связях между ними. Или при этом были нарушены требования формальной логики. Или сама система была использована не по правилам и была интерпретирована неправильно. Иначе говоря, мы вынуждены в любом случае применять многофакторный, а не однофакторный анализ.

Рассмотрим каждую логику по отдельности. Вопрос этот сложный и совершенно не разработанный. Между тем, он фокусирует в себе нервный центр наших взаимоотношений с семиотической реальностью.

Логика соответствия

Логика соответствия дает нам основные направляющие будущей знаковой системы, поскольку она показывает, что именно мы должны рассматривать по законам системы и по каким векторам. Иначе говоря, в знаковой системе, отражающей тот или иной срез действительности, мы должны адекватно отразить реальную картину в том виде, как мы ее понимаем.

Философы издревле задавались вопросом, что является причиной того, что человеческий разум во многих случаях оказывается успешным инструментом в осознании окружающей действительности и самого себя, и давали на этот вопрос разные ответы. Великий Платон считал, что каждая вещь и ее свойства

имеют идеальные воплощения, собранные в одном месте где-то на небе. Этот идеальный образец является исходным для его клонирования в земной жизни. Человеческая бессмертная душа до своего помещения в какую-то земную оболочку, странствуя по небесам, обозревает эти идеальные формы, и потом в ходе своего очередного существования в теле их вспоминает. Эта точка зрения получила в философии название *идеализма*. Противоположная, *материалистическая* позиция считает, что человек сам разгадывает природу в ходе общения с ней и путем приспособления к ее капризам. Наши успехи в этом направлении многократно увеличились, когда люди приобщились к научному подходу в своих попытках понять природные и социальные закономерности.

Что касается того, как логика соответствий отражает ту или иную реальность, то она стремится по мере возможности отразить ее наиболее близко к тому, что мы наблюдаем в жизни либо в лаборатории, подчеркивая каждую деталь и отношение. В этом мы, естественно, ограничены, потому что наблюдаем и воспринимаем реальность в очень ограниченных пределах: мы часто ограничены позицией наблюдения и способами восприятия. Всегда наши наблюдения могут быть расширены, а выводы углублены и расширены. Но в каждом случае мы стремимся отразить наши впечатления от познаваемого наиболее полным образом. Это касается любых знаковых систем. Впрочем, это же касается и формальной логики, о которой мы поговорим в следующем разделе.

Формальная логика

На любом этапе работы с системой знаков мы придерживаемся формальной логики, в частности, логики построения силлогизмов. Научные основы последней были разработаны еще древними греками. Это, по существу, логика последовательных отношений, заимствованная нами из наблюдений за природой. На заре своего развития люди заметили неизменные последовательности некоторых происходящих природных событий: времена года шли одно за другим в определенной последовательности, равно и день разворачивался по одному и тому же сценарию. Солнце восходило по утрам на востоке и заходило вечером на западе. Одно событие постоянно следовало за каким-то другим; первое событие стали называть *причиной*, а второе – *следствием* из этой причины. Так возникли начатки логического, то есть, неизменного и обусловленного возникновения конкретного следствия вслед за определенной причиной. Этот принцип люди перенесли на свое мышление. Они уже не дожидались фактических изменений в природе, они их могли в определенных пределах предсказывать. Если произойдет то-то и то-то, то вслед за ними возникнет вполне предсказуемое следствие, нечто, что принесет положительные либо, наоборот, отрицательные результаты.

Начало было положено, и Аристотель формализовал отношения последовательно обусловленного мышления в специальной науке – логике силлогизма. Теперь уже можно было более точно оценивать умственные построения, высказанные в ходе обсуждения либо полемики. Логика пустила корни и продолжала развиваться. Она завоевывала все новые плацдармы в результате дальнейшей формализации силлогической системы и возрастания абстрактности ее знаков, но связь логики с практическим поведением и наблюдением за естественными природными процессами продолжала сказываться.

По-прежнему люди больше всего верили показаниям своих органов чувств, которые именовались “здравым смыслом”. Лишь на пороге новейшей научной эры пришлось отказаться от веры в то, что Земля находится в центре вселенной, а все иные небесные тела вращаются вокруг нее. Это построение Вселенной покоилось на, казалось бы, незыблемых наблюдениях за поведением объектов на небесах, и только дополнительные все более точные исследования движений планет и Солнца с привлечением изобретенных заново инструментов, убедили ученых в неправильности прежних воззрений.

Рождение научной методологии не могло не сказаться на дальнейшем развитии формальной логики. Аристотелева логика построения силлогизмов была дополнена новыми положениями, что удалось сделать *Рене Декарту*. Если логика силлогизма касалась получения единичного вывода из правильно подобранных посылок, то Декарт показал, как следует мыслить, чтобы скомбинировать отдельные выводы в цельном рассуждении. Он это сделал в сочинении, названном «*Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науке*». “*Рассуждение*” было впервые опубликовано в Лейдене в 1637 году. Оно было с восторгом принято в научном мире и прочно вошло в сокровищницу человеческой мудрости.

Кратко свои положения о правильном мышлении он сформулировал следующим образом, говоря о применяемом им методе рассуждений:

«Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению.

Второе – делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить.

Третье – располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.

И последнее – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено»⁵.

Любопытно отметить, что “Рассуждения” Декарта сформулированы не столь однозначно, как Аристотелевы положения о построении силлогизма, что создает возможность для пользователей его рекомендациями избирать альтернативные способы подачи одного и того же материала.

Вкупе, формальная логика Аристотеля и положения, выдвинутые Декартом, обеспечивают нам платформу для рационального мышления. Важным подспорьем этому служит и то обстоятельство, что люди делятся своими первоначальными предположениями с другими индивидами, которые, ознакомившись с ними, вносят свои коррективы и дополнительные предложения.

Логики специализированных знаковых систем

Это – логики, связанные с обработкой различной материи либо обработкой той же материи, но с различных точек зрения. Любой специализированный предмет рассмотрения требует самостоятельного подхода, нуждающегося в своем философском обосновании и в выработке особых методов анализа, а также в специализированных орудиях исследования. На практике это привело к тому, что каждый такой предмет исследования оформился в соответствующую науку. Каждая отрасль науки вырабатывает свою логику рассуждений. Она обычно наилучшим образом приспособлена к соответствующему материалу, и ею же нам приходится пользоваться (другой логики в каждом конкретном случае у нас обычно попросту не бывает).

В этом плане существуют различные ограничения. В любой знаковой системе объяснения даются на одном из естественных языков, который влияет на изложение и специфическую демонстрацию проблемы. Если мы хотим воспользоваться иным языком, нам приходится переводить объяснения на этот новый язык, что ведет к частичной переформулировке рассматриваемого материала. К счастью, люди придумали еще и такие формализованные языки, которые понятны во всем мире; они-то и скрепляют то или иное специализированное изложение. Это языки математики, физических или химических формул и многие другие коды.

Тем не менее, проблема остается – любой научный или практически ориентированный материал требует своей логики изложения. Ею мы пользуемся в дополнение к логике соответствия и логике формальной. Специализированный научный код целиком зиждется на семиотике, поскольку речь идет о знаковых системах. Поэтому семиотика должна занять подобающее место в общей системе наук, связанных с человеческим познанием.

⁵ В: <http://www.psylib.org.ua/books/dekar01/index.htm> (август 2011)

Логика приложения

Наконец, подготавливая тот или иной текст к презентации, мы не можем абстрагироваться от той аудитории, которой он будет представлен. Это – азбучная истина, но ее реализация требует немалых усилий и специальных знаний и умений. Я убежден, что эта сторона дела, которая столь часто игнорируется, нуждается в специалистах с особым талантом. Назовем этот талант *педагогическим* либо *учительским*. Нужны специалисты, которые бы отбирали необходимый для усвоения материал и преобразовывали его в доступный для усвоения той или другой аудиторией. В результате материал из его научной ипостаси преобразуется в учебный вид. Ни один учебный курс не повторяет целиком свой первоначальный научный прототип; каждый раз он становится иным – с той же научной подоплекой, но показанной в ином ракурсе. Иногда расхождения бывают довольно значительными.

Полный граф логик в знаковой системе

Каждая знаковая система получает, таким образом, особый набор логик, такое их сочетание, которое не повторяется ни в каких других системах. Я называю такой набор *логическим графом системы*. Он отличает данную систему от всех прочих схем подобного рода. Смысл обучения различным дисциплинам в средней и высшей школе заключается в том, чтобы ознакомить учащихся со спецификой наборов разных логик в том или ином их сочетании в общем списке изучаемых дисциплин. В высшей школе такие наборы максимально приближают студентов к тому, с чем они могут столкнуться в реальной действительности после окончания вуза; а школьники с их помощью, хотя бы и очень поверхностно, знакомятся с элементарными подходами к различным реальным ситуациям в жизненной практике. Смысл школьного образования заключается не только и не столько в запоминании фактов из данного предмета, но в ознакомлении с подходами к нему и к извлечению пользы из такого рассмотрения в будущей жизненной практике.

Имеет смысл рассмотреть общую конфигурацию набора школьных дисциплин для целей формирования личности обучающихся. Как показывает опыт школьного образования, обучение может соответствовать психологическим склонностям обучаемых и способствовать становлению их интересов в будущем, а может в самых извращенных формах испортить жизнь будущих взрослых людей. По-видимому, первоначально приходится пропускать через полный спектр школьных дисциплин всех школьников, но надо во время диагностировать особые склонности учащихся. Если они выясняются, есть смысл тут же пустить его по тому руслу, который подходит ему наилучшим образом.

Более того, зрелый тип личности, как мне представляется, разбивается на те же самые категории, по которым я рассредоточил знаковые системы.

Некоторые индивиды склонны к практической деятельности чисто прикладного характера, и предпочитают овладевать естественными знаковыми системами. Некоторые отдают предпочтение образным системам – искусствам и манипуляциям с образными знаками. Некоторые обнаруживают склонность к языковым построениям, а некоторые – к знакам чрезвычайно абстрактного свойства – математическим и иным. Ничего необычного в такого рода совпадении психологических типов личности с выделенными мною типами знаковых систем я не вижу. Ведь о повторении в жизненном пути отдельных особей полного цикла жизни всего человеческого рода говорили многие ученые. Каждый из нас приобщается к одному из слоев истории всего человеческого рода, и большинство из нас испытывает тягу к определенному типу знаковых систем.

Однако всегда есть и такие, у которых нет предпочтений к определенному типу знакам; тогда тяга к той или иной деятельности иногда завоевывается талантом наставника. Умелый и увлеченный своей профессией учитель умеет зажигать сердца своих учеников. У такого учителя обычно оказывается значительное число учеников, которые хотят совершенствоваться в предлагаемом им предмете. К сожалению, нередки и такие случаи, когда никакой преференции не просматривается даже к концу школьного курса, и тогда выбор будущей профессии предоставляется случаю. Весьма часто это ломает судьбу человека.

Поднятые здесь вопросы, фактически, касаются психологических проблем, и мы продолжим их рассмотрение в следующем разделе.

Психологическое содержание семиотики

Предсказующая сила знаков

Использование знаков изначально предполагает обращение к их возможностям прогнозировать будущее. Знаки и их системы как раз для того и создаются, чтобы помочь человеку в его приспособлении к онтологической действительности; и надо признать, что они, в основном, честно выполняют поставленную перед ними задачу. Любое живое существо, которое не придумывает для себя знаков и не пользуется ими, находится в менее благоприятных условиях. Оно вынуждено реагировать на опасность только тогда, когда сталкивается с ней лицом к лицу, а не раньше. Человек же, пользующийся знаками, способен заранее оценить опасную ситуацию и либо предупредить ее, либо благополучно преодолеть и минимизировать ее отрицательные последствия, когда она наступает. Он оценивает жизненную ситуацию по попавшим в его поле зрения знакам и готовится к встрече с ней. Так происходит даже в самых незамысловатых жизненных случаях. Что касается науки, то там прогностическая сила знаков еще больше усиливается,

потому что в ней используются совершенно иные знаки со значительно бóльшей степенью предсказуемости.

Лишь малая часть живых существ пользуется знаками. Некоторые виды животных используют звуки для предупреждения о возможной опасности. Так обезьяны криками предупреждают сородичей о появлении хищников, от которых надо спастись. Пчелы пользуются разными сигналами, чтобы показать направление и расстояние до источника пищи (так называемый *язык пчел*). Но это только начальная и созданная на основе условных рефлексов стадия применения знаков. Человек в этом отношении далеко продвинулся вперед в своем приспособлении к окружающей действительности с помощью специально придумываемых для этого знаковых систем. Сравните крики обезьян, предупреждающие об опасности, и такую фразу как «Осторожно, впереди болото!» либо дорожный знак о ремонтных работах, которые ведутся на пути следования транспорта.

Мы далеко обогнали в этом плане все другие живые существа: своим знакам мы можем придать глубокие содержательные оттенки, недоступные никаким иным видам животного или растительного мира. Вот зарисовка, которая хорошо иллюстрирует этот тезис. У *Евгения Шварца* записана такая история: «У одних моих знакомых был попугай, который знал два слова "Радость моя!" Он повторял эти единственные свои слова и с горя, и с голоду. Кошка подползает к нему, перья встали дыбом от ужаса, а он вопит одно: "Радость моя!"».

Ясно, что попугай не осознавал того, что он говорил; то есть, он использовал знаки, не понимая их значения. Человек же очень сильно продвинулся по пути использования и знаков, и знаковых систем. Мы не только постоянно и успешно создаем различные знаки, но складываем из них системы, с помощью которых получаем новое знание, не обращаясь непосредственно к объективной реальности. Таким образом мы серьезно расширили предсказательную силу знаков. Более того, мы внедряем в практику выводы наших знаковых выкладок, иногда не добираясь до сути явлений, которые этими знаками зашифрованы. Например, *Ньютон* открыл законы гравитации и выразил их математически, не зная точно, чем вызвано это явление; а мы внедрили эти законы в практическую жизнь, вовсе не понимая до конца физического содержания гравитационных слагаемых.

Совершенно очевидно, что, не используя знаков, человечество не смогло бы развиваться так, как оно это делает сейчас. Но это о человечестве в целом, а теперь поговорим немного об отдельных индивидуумах.

Отдельная личность и знаки

По принятой мною теории каждый человек может и должен в какой-то мере овладеть возможным для себя максимумом семиотических достижений всего человечества, то есть пройти по ступеням лестницы всех типов знаковых

систем. Всем объемом информации, имеющейся в семиотической реальности, никому из нас овладеть не удастся – он слишком велик. Но кое-какие знания и умения из принятых мною шести ступенек знаковых систем любой из нас приобретает. В этом деле высвечивается и психологический аспект. Поскольку типы знаковых систем жестко закреплены в соответствующей иерархии, мы должны овладевать ими в той же последовательности, в какой они появлялись у *homo sapiens* в ходе развития вида – сначала естественные системы, затем образные, языковые и пр.

Для овладения некоторым объемом информации из каждой ступени в жизни человека отводится наиболее подходящее время, когда наш ум как бы предрасположен к усвоению нужных навыков и умений. Если ребенок не овладел именно в этот период необходимыми знаниями, это может оказаться непоправимым для его нормального дальнейшего развития. В одной из своих работ я суммировал известные науке случаи, когда дети нежного возраста были оторваны от общества (похищены животными, потеряны в пустынном месте) и не смогли научиться языку. Впоследствии, будучи возвращенными в обычную среду обитания, многие из них так и не смогли обучиться языку и остались на всю жизнь умственно отсталыми. Так что нужным знакам следует обучаться в отведенное природой время. Затем люди повторяют этот же путь уже в организованном обучении школьного типа, но в более продвинутом и упорядоченном виде.

В течение этого продолжительного периода люди обычно обретают те профессиональные склонности и предпочтения, которым в дальнейшем будут следовать до конца жизни. Я выше описывал это важное обстоятельство. Человек может от рождения склоняться к использованию тех или иных типов знаков, а может развить в себе такие способности в процессе обучения. С другой стороны, он может быть лишен очевидных предпочтений. В любом случае взрослая жизнь протекает под знаком тех или иных преференций в овладении знаками и знаковыми системами. И общая картина наших профессиональных интересов естественным образом охватывает (иногда в минимальном размере) все потребные в данном обществе знаковые системы и людей, которые ими владеют.

Органы чувств и их приспособляемость к нашим нуждам

Последний вопрос, который я хочу затронуть в этом разделе, это приспособляемость наших органов чувств к профессиональным потребностям человека, то есть, еще и к манипуляциям с определенными категориями знаков.

Хорошо известно, что наши органы чувств, так сказать, “квалифицируются” в процессе овладения нами той или иной сферы деятельности. Мы говорим “опытный врач” либо “успешный педагог”, имея в виду, что органы чувств специалиста вполне приспособились к его профессиональной активности. Эта

оценка еще более подходит к практикующим физический труд: опытный столяр постоянно совершенствует свои профессиональные возможности. Его руки лучше чувствуют обрабатываемый материал, глаз становится более точным, да и прочие органы чувств от них не отстают.

Все это означает, что наши органы чувств не являются постоянными и неизменными. Они приспособливаются к изменяющейся обстановке и позволяют нам действовать все более и более эффективно. Этот процесс можно назвать “обучаемостью человеческих органов чувств”. У разных людей степень “обучаемости чувств” является различной в зависимости от его наследственных психологических характеристик, но само это качество присутствует в любом из нас. В описываемом процессе существуют множество слагаемых. Одним из важнейших из них является степень абстрактности тех знаковых систем, которыми пользуется индивид в своей практической деятельности.

Многие люди имеют явную предрасположенность к определенным типам знаковых систем. Я уже писал об этом и повторяться не буду, но во всем затронутом комплексе проблем присутствует еще одно обстоятельство, о котором стоит поговорить подробнее. Это обстоятельство – наличие культурных традиций в том или ином обществе, которые определяют набор знаковых систем, имеющих хождение в данной среде.

Здесь следует иметь в виду следующее. Мы говорили о знаковых предпочтениях отдельных индивидуумов, но есть смысл коснуться данной проблемы в общечеловеческом аспекте. В процессе развития цивилизации *граф набора всех перечисленных логик* постепенно менялся от его менее абстрактного общего содержания к более абстрактному. Овладевая навыками пользования простыми знаками, люди приобретали новые возможности манипулирования со все более сложными знаковыми построениями. Поэтому состав и соотношения логик в графе все время изменялся (и изменяется) в сторону преобладания абстрактных систем. Если на заре цивилизаций в этом графе доминировали естественные и образные системы (хождение по следу, ориентация по звездам), то мало помалу они уступали место системам математического и вообще научного содержания. Сегодня мы зашли в этом плане довольно далеко, хотя процесс “абстрактизации” знаковых систем постоянно и неизменно продолжается.

Зато по пути мы теряем множество навыков, которыми прежде хорошо владели. На это обстоятельство обращал внимание *Клод Леви-Штросс*: «Сегодня мы используем все меньше и меньше из тех умственных способностей, которыми владели раньше, но приобретаем отличные от них, иные способности. Так, мы потеряли многие навыки зрительного восприятия... Не так давно существовало человеческое племя, члены которого видели планету Венеру при свете дня, что абсолютно недоступно сегодняшним людям <...>

Абсолютно то же самое происходит с нашим знанием растений и животных. Безграмотные люди прекрасно разбирались в своем природном окружении и имеющихся в нем ресурсах. Мы же потеряли эту способность, хотя потеряли ее небескорыстно – сегодня мы можем водить машину без опасения ежеминутно потерпеть аварию ... Мы не можем развить одинаково все умственные данные, которые были присущи человечеству во все времена. *Мы используем лишь ограниченный спектр таковых; и этот спектр каждый раз является другим, в зависимости от состояния наличной культуры»*⁶ (курсив мой – А.С.).

Иначе говоря, это еще и вопрос культурных традиций и наличия технических возможностей реализации наших умственных потенциалов. Приведу простейший пример сегодняшнего дня. После внедрения компьютеров в повседневную практику логический граф современного человека существенно изменился в сторону его большей абстрактности. И это не только проблема личных психологических пристрастий. На первое место в этом процессе выходят культурные различия, связанные с возрастом обучаемых. Я вовсе не чувствую себя отсталым по своему умственному потенциалу от моих внуков, но их владение компьютером, привитое с детства, делает их обладателями иного семиотического содержания мышления, более абстрактного, чем мое. И с этим уже ничего поделать нельзя.

Есть во всем этом деле еще один аспект, который, насколько я знаю, еще никем и никогда не затрагивался. Наши органы чувств *настраиваются* ликвидировать недостатки в сочетании двух видов реальности – онтологической и семиотической – они помогают нам закрывать имеющиеся между ними разрывы, вернее, сделать так, чтобы эти разрывы нами не замечались. Я выше упоминал о том, что глаза ребенка первоначально видят мир перевернутым, и лишь потом приспособляются к “нормальному” видению мира. Я не могу себе представить существование внутри перевернутого мира, но, наверно, ничего страшного бы не произошло – так или иначе мы к этому бы приспособились. Однако мы укротили наше зрение, вернее оно само стало видеть мир в том состоянии, которое мы сейчас наблюдаем, а затем по закону выживания наиболее приспособленных существ мы получили это качество в виде генетического наследства.

Наши органы чувств закрывают прорехи между объективной реальностью и ее семиотическим отражением. На географических картах многие объекты отражаются “неправильно”, что не мешает нам ориентироваться с помощью таких карт на местности. Мы не замечаем пробелов между кадрами кинематографической ленты, запущенной с определенной скоростью, чтобы глаз мог увидеть “непрерывное” движение. Сам глаз вполне благоприятно реагирует на такое решение. Мы воспринимаем мелодию как цельную, хотя

⁶ Levi-Strauss. *Myth and Meaning*. N.-Y., Schocken Books, 1979.

она считывается с дискретно записанных нотных значков, а текст как нечто органично слитное, хотя он тоже состоит из отдельных слов или звуков. Видимо, можно многое добавить к моему краткому и беспорядочному описанию, но здесь я вынужден остановиться, сдерживаемый объемом статьи.